

Конференция «Изоляты в Африке»,
Лион, 3—4 декабря 2010 г.

3—4 декабря 2010 года в Лионе в Лаборатории языковой динамики (*Laboratoire Dynamique du Langage*) проходило заседание рабочей группы по языкам-изолятам в Африке. Рабочая группа объединила целый ряд африканистов, работающих с языками, генетическая принадлежность которых является проблематичной. При этом обсуждались как «чистые» изоляты, т. е. языки, не имеющие на данный момент определенной генетической классификации, так и одиночные языки с неопределенным положением внутри африканских макросемей.

Генетическая классификация африканских языков, предложенная Дж. Гринбергом в начале 60-х годов прошлого века (Greenberg 1963), получила широкое признание в африканистическом сообществе и за его пределами. Она, что называется, «вшла в учебники» и во многих случаях воспринимается как окончательно установленная, особенно в среде неспециалистов. Эта классификация выделяет в Африке четыре макро-семьи¹ — нигер-кордофансскую (или нигер-конго²), включающую около 1500 языков и около 10 семейств, нило-сахарскую (около 200 языков и 20 семейств), макро-кайсанскую (3 семьи, 27 языков), и афразийскую (327 языков, 6 семейств) (Lewis 2009).

Между тем, со временем Гринберга взгляды африканистов в этом отношении успели существенно

¹ Эта классификация не учитывает африканские варианты европейских языков и язык африкаанс, сложившиеся в колониальный период. Также традиционно к африканским языкам в узком смысле слова не относят малагасийский, австронезийский язык Мадагаскара.

² В узком смысле слова семья нигер-конго («западно-суданские языки» в терминологии (Westermann 1927) включает в себя все нигер-кордофанские языки, за исключением кордофанских. Гипотеза о генетическом единстве кордофанских языков, на которых говорят на юго-востоке провинции Хартум в Судане, и языков нигер-конго была выдвинута Дж. Гринбергом (Greenberg 1963). Он считал кордофанские языки ветвью, отделившейся от праязыка ранее всех остальных. В более поздних классификациях, начиная с (Williamson 1989), кордофанские языки рассматриваются лишь как одна из трех главных ветвей наряду с манде и группой, составляющей ядро макросемьи «Atlantic-Congo» в терминологии К. Уильямсона, а по отношению к нигер-кордофанской семье Гринберга используется термин «нигер-конго».

измениться. С одной стороны, появились работы, предлагающие объединение нескольких макросемей в одну (ср. гипотезу о генетическом единстве нигер-кордофанских и нило-сахарских языков (Gregersen 1972, Blench 1995, Bender 2000, Dimmendaal 2001)). С другой стороны, что более важно, растущий объем данных по африканским языкам, интенсификация сравнительно-исторических исследований, а также общее скептическое отношение большинства лингвистов к методологии Дж. Гринберга позволили во многих случаях поставить под сомнение внутреннее генетическое единство выделенных им макросемей. На сегодняшний день три из четырех макросемей подверглись или продолжают подвергаться серьезному пересмотру. Единственным исключением являются афразийские языки, которые эти изменения затронули в относительно малой степени³.

Гипотеза о генетическом единстве макрокайсанской макросемьи не принимается большинством кайсанистов. Вместо этого выделяются три генетически не связанные между собой семьи: туу (южнокайсанская семья Гринберга), жу-чъоанская семья (бывшая севернокайсанская + язык чъоан)⁴ и кхой (бывшая центральнокайсанская семья), объединяемая с языком квади в одну семью, и языки хадза и сандаве в качестве изолятов (Güldemann & Voßen 2000)⁵.

Существование нило-сахарского языкового единства также подвергается сомнению многими исследователями. Даже сторонники этой гипотезы признают, что из всех гринберговских макросемей именно нило-сахарская является наиболее спорной (Bender 2000, Blench 2010). По крайней мере две языковые семьи, включенные Гринбергом в нило-сахарские, чаще всего выводятся за пределы макросемьи в современных классификациях. Речь идет о сонгайских языках и группе, объединяющей команские языки и язык гумуз (Bender 1979, Mikkelola 1999, Nicolaï 2003, Dimmendaal 2008).

³ Ср., впрочем, дискуссию вокруг позиции омотских языков внутри макро-семьи (Fleming 1969, Newman 1980).

⁴ Семья къха (K'xa) в терминах (Heine & Honken 2010).

⁵ О возможном отдаленном родстве сандаве с семьей кхой-квади см. (Güldemann & Elderkin 2010).

Макросемье нигер-конго повезло чуть больше, и большинством лингвистического сообщества эта макросемья в той или иной форме признается⁶. Однако по-прежнему нет согласия относительно принадлежности и/или точной позиции внутри нигер-конго некоторых семей, обычно относимых к нигеро-конголезским. Речь идет об атлантических языках, языках манде, догон, кру, кордофанских и убангийских (ср. Dimmendaal 2008). Кроме того, результаты исследования отдельных ветвей нигер-конго поставили под сомнение их внутреннее генетическое единство. Так, к примеру, было выяснено,

что многие атлантические языки демонстрируют очень низкие показатели соответствий базовой лексики с другими языками внутри семьи (Segerer 2010).

В разное время в африканской лингвистике также выдвигались гипотезы об изолированном статусе почти трех десятков языков. Для многих из них на данный момент существуют альтернативные гипотезы, относящие данный язык к одной из четырех африканских макросемей. Ср. список в нижеприведенной таблице (1) (по: Homber & Philipson 2009: 4).

Языки-изоляты в Африке

Язык	Где распространен?	Комментарий / гипотезы относительно аффилиации
чъоан	Ботсвана	ранее рассматривался как изолят, сейчас — часть жу-чъоанской семьи
аасах	Танзания	возможно южно-кушитский; содержит не-кушитский лексикон
бангиме	Мали	сильное контактное влияние догонских языков (ранне расматривался как диалект «языка догон» — К.П.)
бунг	Камерун	возможно, адамава
гумуз	Эфиопия	нило-сахарская макросемья согласно Гринбергу — К.П.
хадза	Танзания	изолят (< макрокойсанская семья согласно Гринбергу — К.П.)
имарген	Мавритания	хасания (арабский) с контактным влиянием азер (северный диалект языка сонинке< семья манде< нигер-конго — К.П.)
иримба	Габон	группа В 40 < банту< нигер-конго ⁷ — К.П. Большая часть лексики не является бантуской по происхождению
джалаа или кентум	Нигерия	сильное влияние адамава
кара	ЦАР	изолят — К.П.
кауджарге	Судан, Чад	возможно чадский
квади	Ангола	ранее рассматривался как изолят, сейчас — часть группы хвой-квади
лаал или гори	Чад	чадский (< афразийская макросемья — К.П.) субстрат, возможно, адамава (< нигер-конго — К.П.)
луфу	Нигерия	изолят — К.П.
луо	Камерун	вероятно, мертвый
маяа	Нигерия	мертвый — К.П.
мероитский	Судан	возможно, северо-восточно-суданский (< нило-сахарская макросемья — К.П.)

⁶ Ср. (Güldemann 2010) и (Nyman 2011) как пример двух конфликтующих взглядов на классификацию и эволюцию нигер-конго, единых, однако, по крайней мере, в признании генетического единства ядра макросемьи (языки адамава, бенуе-конго, тур и ква).

⁷ См. (Mouguima-Daouda 2006: 29–31), цит. в (Ollomo Ella 2008: 21).

Язык	Где распространен?	Комментарий / гипотезы относительно аффилиации
мпре или мпра	Гана	возможно, нигер-конго
обло	Камерун	неопределенная позиция в семье адамава; вероятно, мертвый
онгота или бирале	Эфиопия	возможно, афразийский (кушитский или омотский); вероятно, мертвый; этнические онгота перешли на язык тсамако (< кушитская ветвь, афразийской макросемьи — К.П.).
оропом	Уганда	вероятно, мертвый
пре	Кот д'Ивуар	возможно, нигер-конго
рер баре	Эфиопия	этнические рер баре перешли на язык сомали (< афразийская макросемья — К.П.)
сандаве	Танзания	возможно, связан с группой кхой-квади
шабо	Эфиопия	возможно, нило-сахарский
уейто	Эфиопия	возможно, восточно-суданский (< нило-сахарская макросемья — К. П.) или кушитский (< афразийская макросемья — К. П.)
вутана ⁸	Нигерия	
йени	Камерун	мертвый

Описанные выше изменения, как уже отмечалось, во многом стали результатом интенсификации работы по описанию и сравнительно-историческому изучению языков и диалектов Африки. С другой стороны, нельзя не отметить определенное общее изменение интеллектуального климата, которое наблюдается в последнее время в африканистике.

В современный англоязычный сленг лингвистов, занимающихся проблемами генетической классификации, вошло устойчивое противопоставление «ламперов» (англ. *lump* ‘сваливать в кучу’) и «сплиттеров» (англ. *split* ‘расщеплять’), в качестве обозначений двух противоположных тенденций — стремления части лингвистов к объединению большого количества языков в рамках крупных генетических групп, связанных отдаленным родством, и минимальным количеством изолятов, с одной стороны, и стремление других к выделению большого количества не связанных между собой генетически семей меньшей глубины и существенно большего количества изолятов. В африканистике, в отличие, например, от исследований языков коренного населения Америки, традиционно господствовала первая тенденция. Однако изменения, произошедшие в классификации африканских

языков в последние десятилетия, свидетельствуют в пользу нарастания влияния «сплиттеров».

На ту же тенденцию указывает рост интереса к ареальной типологии в Африке (Clemens & Railland 2008, Güldemann 2008). В ходе этих исследований в Африке были идентифицированы 5 языковых макроареалов (или «зон» в терминологии (Güldemann 2010)): сахарская зона («Sahara spread zone»), зона Чад-Эфиопия, макросуданский пояс («Macro-Sudan Belt»), зона банту («Bantu spread zone»), зона Калахари («Kalahari basin»). Каждый из выделенных языковых ареалов характеризуется набором типологических черт, обнаруживаемых в большинстве языков, входящих в состав зоны. При этом в большинстве случаев границы установленных зон не совпадают с границами макросемей. Так, макросуданский пояс включает языки трех макросемей: нило-сахарской, афразийской и нигер-конго. Это обстоятельство, по мысли исследователей, работающих в рамках ареальной типологии, должно привести к дальнейшему пересмотру гринберговских классификаций, в результате последовательного учета контактных явлений.

Создание рабочей группы по изолированным языкам Африки, таким образом, было интересно не только как попытка собрать и представить в единой форме данные о неклассифицированных языках Африки, но и как продолжение более широкой дискуссии о вопросах генетической классификации африканских языков. И хотя большинст-

⁸ Этническая группа с таким названием упомянута в (Temple 1922: 367). В справочнике (Lewis 2009) язык не упоминается.

во докладов были посвящены отдельным языкам-изолятам, докладчики нередко уделяли много внимания общеметодологическим вопросам генетической классификации языков, а также вопросам истории африканской лингвистики.

Флориан Лионе (университет Беркли, США) выступил с докладом о языке лаал, на котором говорит население двух деревень на юге Республики Чад. Этот язык впервые попал в поле зрения специалистов по нигеро-конголезским и афразийским языкам благодаря работам Паскаля Бойельдье (Boyeldieu 1977, 1982a, 1982b, 1987), проводившего полевое исследование языка в начале семидесятых годов. Эта работа была продолжена Флорианом Лионе весной 2010-го г.

Внимание лингвистов привлекло необычное сочетание языковых черт, сближающих его с языками буа (семья адамава, макросемья нигер-конго), с одной стороны, и чадскими языками афро-азиатской макросемьи, с другой. Кроме того, язык характеризуется рядом черт, не обнаруживаемых ни в одном из соседних языков или языковых семей. Географически лаал соседствует как с восточно-чадскими языками (милту, боор, ндам, сибине, тумак, кера), так и с языками буа (буа, луа, тун, кулаал).

В лексике лаал обнаруживается небольшое количество единиц, вероятно, являющихся заимствованиями из чадских языков, однако фонологическая форма этих слов существенно отличается от формы соответствующих слов в соседствующих чадских языках, исключая, таким образом, возможность недавнего заимствования. Эти сходства, по мнению Ф. Лионе, могут быть объяснены либо как более ранние заимствования из чадских языков, либо как реликты возможного чадского субстрата лаал. От двадцати до тридцати процентов лексики обнаруживает сильное сходство с соответствующей лексикой языка луа (семья адамава). Наконец, наибольшая часть лексики (включая базовую) не обнаруживает сходства ни с адамава, ни с чадскими языками.

В именной морфологии лаал имеются черты, сближающие его с языками адамава. Сложная система образования множественного числа существительных напоминает систему языка луа и других языков буа. Для последних Паскалем Бойельдье (Boyeldieu 1983) была предложена реконструкция, в которой суффиксы единственного и множественного числа интерпретируются как реликты системы именных классов нигер-конголезского типа. Сравнивая реконструкции Бойельдье с системой выражения числа в лаал, Ф. Лионе приходит к вы-

воду о том, что именная морфология лаал восходит к более богатой системе именных классов, чем та, которая была реконструирована Бойельдье для пра-буа. При этом обе системы обнаруживают целый ряд соответствий. Таким образом, заключает Ф. Лионе, с точки зрения именной морфологии, лаал может представлять собой либо отдельную ветвь нигер-конго, либо наиболее архаичную ветвь адамавийских языков.

Система местоименных показателей, употребляющихся с существительными в качестве показателей неотчуждаемой принадлежности и с переходными глаголами в качестве показателей объекта, обнаруживает сходство с восточно-чадскими языками кера и тумак. Хотя только лишь некоторые показатели в кера могут быть напрямую составлены с аналогичными показателями в лаал, контексты употребления показателей одинаковы в обоих языках, а морфонологические процессы, сопутствующие присоединению местоименного показателя к основе, практически идентичны.

Глагольная морфология лаал разительно отличается как от восточно-чадской, так и от глагольной морфологии языков буа. Ф. Лионе, вслед за Бойельдье, выделяет три базовых формы глагола: «простую» (simple), «центростремительную» (centripetal) и причастную (participative) или инструментальную (instrumental). Центростремительная форма используется для обозначения движения к говорящему (у глаголов движения). Причастная или инструментальная используется в сложных предложениях для обозначения событий, происходящих одновременно с событиями, обозначенными «простой» формой глагола, или в простых предложениях при наличии у глагола инструментального дополнения. В чадских языках базовым является противопоставление перфектива и имперфектива, а в языках буа — противопоставление индикативной и оптативной форм. Ограниченнное число глаголов в лаал демонстрируют согласование с субъектом по числу. Способы образования множественного числа у этих глаголов напоминают схемы, используемые в лаал для образования множественного числа существительных. П. Бойельдье предположил, что одна из этих схем может быть заимствована из чадских языков. Однако, как показывает Ф. Лионе, глаголы, использующие эту схему, не являются чадскими по происхождению, а некоторые из них вероятнее всего заимствованы из языков буа.

Суммируя аргументы в пользу восточно-чадской и адамавийской гипотез происхождения лаал, Ф. Лионе делает вывод о том, что, несмотря на до-

вольно большое число черт, сближающих лаал как с одними, так и с другими, этот язык не может быть отнесен ни к одной из двух семей и, следовательно, должен быть признан изолятом. К. И. Поздняков (INALCO Paris), выступавший в качестве оппонента на докладе Ф. Лионе, в целом согласился с его мнением, однако сделал акцент на предположении о родстве лаал с языками нигер-конго, предложив несколько реконструкций именных показателей, сближающих лаал с последними.

Язык бангиме долгое время считался одним из диалектов «языка догон». В результате полевых исследований, проведенных в восточном Мали сначала В. А. Плунгяном и И. Тембине (Plungian, Tembine 1994, Plungian 1995), затем К. Кули (Culy 1994) и, наконец, участниками проекта Дж. Хита (Heath 2008, www.dogonlanguages.org), удалось выяснить, что догон представляет собой языковую семью средней глубины (Прохоров 2009), включающую в себя около двадцати языков, а бангиме не относится к этой семье. Эбби Хэнтгэн (Университет Индианы, США), продолжающая работу над описанием бангиме, представила доклад, посвященный этому языку.

Хотя описание языка еще не закончено, материал, представленный Э. Хэнтгэн, наглядно демонстрирует радикальное отличие бангиме от соседних языков догон как в плане грамматики, так и в плане лексики. При этом некоторые структурные черты сближают бангиме с соседними языками семьи манде (бамана, бозо) и языками сонгай. Так, например, в отличие от языков догон, характеризующихся порядком слов со строго финальным расположением глагола, порядок слов в бангиме ближе к типу S Aux O V X, характеризующему языки, перечисленные выше. Впрочем, в отличие от последних, в бангиме порядок слов сильно варьируется в зависимости от аспектуальных значений и информационной структуры, выражаемых в клаусе.

В плане лексики бангиме обнаруживает до 10% соответствий с различными языками догон, что, безусловно, отделяет его от них⁹, однако не исключает отдаленного родства. На это обратил внимание В. Ф. Выдрин (МАЭ РАН, Санкт-Петербург), оппонировавший на докладе Э. Хэнтгэн.

Мауро Тоско (Университет Турин, Италия) посвятил свое сообщение языку онгота. На этом языке до недавнего времени говорила небольшая этническая группа в юго-восточной Эфиопии. На се-

годняшний день для всех онгота родным является язык тсамако (кушитская ветвь афразийской макросемьи), и, вероятно, лишь единицы этнических онгота сохранили знание своего изначального языка. Данные по онгота ограничены и включают в себя небольшой лексикон, уместившийся в размеры статьи (Fleming et al. 1992/1993), и грамматический очерк (Savà & Tosco 2000). М. Тоско и Г. Сава работали с последними носителями языка в двухтысячные годы. Поскольку документация онгота производилась уже после начала языкового сдвига, генетическая классификация языка является чрезвычайно сложной задачей. В литературе предлагалось несколько версий классификации. Онгота относили к афразийским языкам (Fleming 2006), к нило-сахарским языкам (Blažek 2005), также выдвигалась гипотеза о креольском происхождении онгота (A. Yilma p.c., цит. М. Тоско в докладе). М. Тоско присоединился к мнению о том, что, вероятнее всего, онгота принадлежит к афразийской макросемье и посвятил немалую часть своего доклада критике двух других гипотез.

Тайлер Шнебелен (Стэнфордский университет, США) выступил с докладом о еще одном эфиопском языке, генетическая принадлежность которого является неопределенной. На языке шабо говорят небольшая этническая группа (400–600 человек) в горах на юго-западе Эфиопии. Большинство исследователей, работавших с языком, склонялись к тому, что шабо относится к нило-сахарской макросемье. Т. Шнебелен посвятил свой доклад опровержению этой гипотезы.

В пользу отнесения шабо к нило-сахарским языкам выдвигался ряд аргументов, использующих морфологические и лексические данные. Так, утверждалось, что в шабо форма множественного числа по крайней мере у некоторых существительных образуется присоединением суффикса *-k*. По данным Т. Шнебелена, проводившего полевое исследование языка, эта схема образования множественного числа, действительно встречающаяся во многих нило-сахарских языках, не используется в шабо. Вероятнее всего слова, содержащие *-k* во множественном числе, попали в грамматические описания (Teferra 1991, 1995) по ошибке, в результате интерференции с языком маджанг у носителей шабо, работавших с А. Теффера. Язык маджанг (восточно-суданская ветвь нило-сахарской макросемьи) соседствует с шабо, а носители шабо обычно владеют маджанг в качестве второго языка.

Лексические данные также приводились в качестве аргумента в пользу гипотезы о нило-сахарском происхождении шабо. В работе (Teferra &

⁹ Минимальный процент общей лексики в словаре Сводеша между двумя языками догон ((Прохоров 2009) составляет около 40.

Unseth 1989) было представлено сравнение словных списков Сводеша для шабо и для ряда нило-сахарских и афразийских языков, в которых наибольший процент общей лексики (15–20%) сближал шабо с восточно-суданскими и комузским языками. Эти результаты рассматривались как наиболее убедительный аргумент в пользу отнесения шабо к нило-сахарским языкам. Т. Шнебелен, проводивший проверку стословников во время своего полевого исследования, обнаружил, что до 12 единиц из списка, опубликованного в (Teferra & Unseth 1989), идентифицируются его языковыми консультантами как слова языка маджанг. Таким образом, делает вывод Т. Шнебелен, степень лексической близости шабо к нило-сахарским явно завышена из-за низкого качества данных, использованных при подсчетах.

Во второй части доклада Т. Шнебелен обратился к другим возможным способам классификации шабо. Им был предложен новый метод построения классификаций, включающий в себя рассмотрение языковых типологических характеристик. Здесь Т. Шнебелен основывается на открытии, сделанном С. Вихманом и Э. Хольманом (Wichmann & Holman 2009). Анализируя данные, представленные в «Мировом атласе языковых структур» (WALS, Haspelmath et al. 2005), авторы обнаружили типологические характеристики, являющиеся наиболее стабильными в языковых семьях, генетическое единство которых принимается большинством лингвистического сообщества. Этот список включает в себя 67 характеристик. Т. Шнебелен сокращает список до 47 единиц, чтобы избежать возможных нежелательных статистических эффектов. Имея в распоряжении эти данные, Т. Шнебелен предлагает проверить гипотезу о нило-сахарском происхождении шабо, сравнив количество общих стабильных типологических характеристик в шабо и в других нило-сахарских языках. Свои подсчеты Т. Шнебелен производит на программном обеспечении, применяемом в филогенетике (программы SplitsTree4 (Huson 1998) и MrBayes (Huelsenbeck and Ronquist 2001)). Проанализировав результаты подсчетов, произведенных двумя программами, и сравнив их с предложенными в лингвистической литературе классификациями нило-сахарских языков, исследователь приходит к мнению об относительной надежности метода, поскольку в большинстве случаев результаты обработки списков стабильных типологических характеристик совпадают с существующими классификациями. При этом Т. Шнебелен продемонстрировал, что применение того же метода в случае шабо не по-

зволяет однозначно отнести язык к нило-сахарской макросемье.

Два последних доклада первого дня были посвящены проблемам классификации койсанских языков. В последние десятилетия было выяснено, что языки, отнесенные Дж. Гринбергом к койсанским, распадаются на несколько языковых семей, генетические отношения между которыми не до конца ясны, а языки сандаве и хадза (также «койсанские» в классификации Гринберга) являются изолированными (Güldemann & Voßen 2000). Кроме того, благодаря публикации материалов Э. Вестфала (Westphal 1971, Güldemann, forthcoming), стали доступны данные о неизвестном до этого и мертвом на сегодняшний день языке квади, который также сначала был отнесен к изолятам. После этих открытий в среде специалистов по койсанским языкам развернулась дискуссия о возможных генетических связях трех изолятов с выделенными койсанскими семьями и между собой. Одной из таких гипотез было возможное родство квади с языками кхой (центрально-койсанская семья Гринберга). Том Гюльдеман (университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия) посвятил свой доклад обоснованию этой гипотезы¹⁰.

С точки зрения Т. Гюльдемана, убедительно продемонстрировать генетическое родство двух языков можно, только выявив «парадигматическую общность» определенного фрагмента грамматики в обоих языках. Т.е. необходимо показать, что не только отдельные лексические или грамматические единицы являются когнатами, но и что парадигмы, которые эти единицы образуют, организованы схожим образом. Такой фрагмент грамматики выступает, таким образом, в роли того, что Т. Гюльдеман, вслед за Дж. Николс [Nichols 1996], называет набором «индивидуально-идентифицирующих признаков» («individual-identifying feature»). Главным свойством индивидуально-идентифицирующего признака является очень малая вероятность множественного независимого образования в языках мира, что и делает выявленное соответствие между двумя такими признаками или наборами признаков в разных языках достаточным основанием для постулирования языкового родства.

В случае доказательства родства квади с языками семьи кхой Т. Гюльдеман сравнивает парадигмы местоименных показателей. В квади имеется 18-членная парадигма личных местоимений, в которой различаются три числа (единственное, мно-

¹⁰ Аргументация, предложенная в докладе, в развернутом виде представлена в работе (Güldemann 2004).

жественное, двойственное) и три лица. Дополнительно в третьем лице имеется различие по трем родам (мужскому, женскому, общему), при этом в дуалисе формы всех трех родов совпадают. Дляproto-кхой Р. Фоссеном (Voßen 1997) была реконструирована более богатая парадигма из 25-ти местоименных показателей, которая отличается от местоименной парадигмы квади дифференциацией по роду (мужскому или женскому) в первом и втором лицах, а также различием родов в двойственном числе. Т. Гульдеман предлагает рассматривать большую парадигму proto-кхой как результат более позднего развития более простой системы (пред-proto-кхой), изначально включавшей меньшее число единиц. Обращая внимание на то, что в реконструированной парадигме proto-кхой некоторые показатели являются морфологически сложными, исследователь редуцирует парадигму до системы морфологически простых показателей. В таком «деконструированном» виде местоименная система proto-кхой обнаруживает парадигматическую общность с системой квади, что и позволяет Т. Гульдеману считать это весомым аргументом в пользу генетического родства квади и языков семьи кхой.

Бонни Сэндс (Университет Северной Аризоны) представила доклад о языке хадза. Этот язык, на котором говорят около тысячи человек, живущих вблизи озера Эяси в Танзании, был, как и сандаве, отнесен Дж. Гринбергом к койсанской семье. Для Гринберга главным аргументом в пользу такой классификации, отвергаемой на данный момент большинством койсанистов (Güldemann & Voßen 2008), было наличие в языке так называемых «щелкающих» согласных (кликов). Также до и после Гринберга обсуждалась возможность афразийского (Westermann 1940; Tucker 1967; Starostin 2008) и нило-сахарского (Tucker 1967) происхождения языка. Б. Сэндс разбирает аргументы в пользу трех гипотез и демонстрирует их недостаточную убедительность. Исследовательница также настаивает на том, что доказательство языкового родства должно базироваться на анализе грамматических данных. В своем докладе она описывает несколько фрагментов грамматики хадза, которые, по ее мнению, могут выступать в качестве индивидуально-идентифицирующих признаков языка, и, следовательно, любая гипотеза о принадлежности хадза к той или иной языковой семье должна основываться на обнаружении парадигматической общности хотя бы одного из этих фрагментов с аналогичными фрагментами в потенциально родственных языках. До тех пор, пока такая гипотеза не будет выдвинута, хадза должен рассматриваться как изолят.

Второй день открылся докладом Гийома Сежерера (LLACAN, Париж), специалиста по атлантическим языкам. Г. Сежерер совместно с К. И. Поздняковым работает над новой классификацией атлантических языков, основанной на лексикостатистической обработке базового словаря. При этом исследователи используют весь арсенал накопленных на сегодняшний день атлантической компаративистикой знаний, позволяющий во многих случаях пользоваться системой установленных регулярных фонетических соответствий при выявлении лексического родства. Предыдущая классификация атлантических языков была сделана Д. Сэпиром (Sapir 1971). Эта классификация также основывалась на лексикостатистических подсчетах, однако принимала во внимание лишь поверхностную схожесть лексических единиц. Согласно этой классификации, атлантические языки делились на три ветви: северную, южную и биджого. Последняя ветвь была образована единственным языком с таким же названием. Подсчеты Д. Сэпира давали очень низкие проценты соответствий в стословниках. Максимальный процент нигде не превышал сорока, а минимальный опускался до пяти. В варианте новой классификации, представленной Г. Сежерером в докладе, в большинстве случаев процент соответствий оказался еще ниже, чем у Д. Сэпира. При этом, однако, существенно изменилось внутреннее устройство атлантической семьи. Северная группа в варианте К. И. Позднякова и Г. Сежерера разделяется на две подгруппы, а язык биджого входит в одну из этих подгрупп, при этом оставаясь равноудаленным от всех остальных языков этой подгруппы.

В последнее время все чаще можно услышать мнение о том, что «атлантическая семья языков» в действительности не образует генетического единства. По мнению Г. Сежерера, лексические данные действительно свидетельствуют в пользу этого. Однако, как подчеркивает исследователь, на данный момент ни для одного из атлантических языков не было продемонстрировано его ближайшее родство с каким-либо языком за пределами атлантических, и это оставляет возможность интерпретировать низкие показатели лексических соответствий в атлантических языках как родство более глубокого уровня.

Далее Г. Сежерер обращается к языкам, демонстрирующим самые маленькие значения лексических соответствий в базовом словаре с другими атлантическими. Учитывая то, что существование атлантической семьи на данный момент не может считаться доказанным, эти языки могут потенци-

ально претендовать на статус изолятов. Исследователь выделил шесть таких языков: налу, биджого, байот, суа, лимба и гола. Первые три языка проявляют большую близость к северным атлантическим языкам, а последние три — к южным.

В заключении Г. Сежерер отметил, что наши данные об атлантических языках по-прежнему являются очень бедными. Это обстоятельство часто делает выдвигаемые сегодня в отношении атлантических языков генетические гипотезы недостаточно обоснованными. Ученый выразил надежду, что неопределенный статус «атлантических изолятов» будет в будущем способствовать росту интереса исследователей к их изучению.

Колин Аланд (университет штата Техас, США) выступила с докладом о языке гумуз и команских языках, объединяемых в ряде классификаций (Greenberg 1963; Bender 1991) в единую семью в составе нило-сахарской макросемьи. Ряд специалистов по нило-сахарским языкам высказывали сомнения относительно как правомерности объединения гумуз и команских в одну семью, так и отнесения этих языков к нило-сахарским. Так, Л. Бендер (Bender 1979) обращает внимание на то, что гумуз обнаруживает не больше 10% соответствий в базовом словаре с любым команским языком, а Г. Диммендааль (Dimmendaal 2008) отмечает, что в команских и гумуз отсутствует целый ряд грамматических показателей, распространенных в нило-сахарских языках. К. Аланд, отстаивающая гипотезу о родстве гумуз и команских языков, представила свои аргументы в ее пользу, основанные во многом на данных, полученных в ходе проводимого ей полевого исследования.

Роджер Бленч, известный целым рядом гипотез, объединяющих данные африканской лингвистики, истории, археологии и генетики, а также причастный к обнаружению нескольких изолятов в Африке, выступал дважды. Первый из своих докладов исследователь посвятил языку куджарге и его роли в проблеме внутренней классификации афразийских языков. На языке куджарге говорила группа из 1000 (по данным на 1983 год) охотников-собирателей на границе Чада и Судана (Doornbos & Bender 1983). Число говорящих на сегодняшний день остается неизвестным, однако прогнозы неутешительны, поскольку язык был распространен в зоне, серьезно пострадавшей в результате дарфурского конфликта. Что касается данных о языке, то в распоряжении лингвистов находится лишь стословник, опубликованный в работе (Doornbos & Bender 1983). Авторы этой работы на основании сравнения базовой лексики отнесли язык к восточ-

но-чадской группе языков (чадская семья, афразийская макросемья), несмотря на низкие показатели лексических соответствий. По мнению Бленча, куджарге не обнаруживает количества лексических соответствий, достаточного для его отнесения к восточно-чадским или к каким-либо другим соседним языкам. При этом более чем скромные лексические данные о куджарге играют, по мнению Р. Бленча, очень важную роль в гипотезе о более тесной генетической связи между кушито-омотской¹¹ и чадской ветвями афразийской макросемьи, обсуждаемой Р. Бленчем в докладе. Эта гипотеза основывается главным образом на существовании определенных лексических параллелей между двумя ветвями, не представленных в других афразийских языках. Р. Бленч предлагает конкретный исторический сценарий, призванный объяснить кушито-омото-чадские изоглоссы. Согласно этому сценарию, носители предков современных кушитских и омотских языков постепенно мигрировали на запад, в зону современного распространения чадских языков. В результате этих миграций был образован языковой континуум, соединяющий современные чадский и кушито-омотский ареалы. Впоследствии зона между двумя ареалами была заселена носителями языков восточно-суданской ветви нило-сахарской макросемьи, отделив чадские языки от кушитских и омотских. Язык куджарге, географически расположенный непосредственно в этой зоне, по гипотезе Р. Бленча, является потомком языков, некогда образовавших указанный континуум, о чем свидетельствует определенное количество лексических параллелей как с кушитскими и омотскими, так и чадскими языками. При этом эти параллели не находят соответствий в восточно-суданских языках, которые с момента появления их носителей в регионе служили «буфером» для заимствований из кушитских и омотских языков в чадские и наоборот. Это обстоятельство, по мысли исследователя, свидетельствует в пользу предлагаемого им сценария.

Второй доклад Роджера Бленча, закрывавший заседания рабочей группы, был посвящен более общим темам лингвистической истории Африки. Во многом подводя итог предшествующим выступлениям, исследователь задается вопросом, почему, несмотря на существование определенного количества изолятов, в существующих на сегодняшний день классификациях Африка предстает ре-

¹¹ Единство кушитской и омотской ветвей признается не всеми специалистами по афразийским языкам (Newman 1980).

гионом, характеризующимся разительно малым генетическим разнообразием? Почему более полутора тысяч африканских языков делятся в современных классификациях на четыре гринберговские макросемы практически «без остатка», несмотря на всю критику, прозвучавшую в адрес использованной Гринбергом методологии?

Согласно гипотезе, излагаемой Р. Бленчом в докладе и основанной на анализе генетических и археологических данных, расселение современных людей по Земле происходило из одного источника, локализованного в северо-восточной Африке. Начавшись здесь, распространение *Homo sapiens* продолжилось в Евразии, а затем в Австралии, Океании и Новом Свете. Одновременно с расселением людей происходила языковая диверсификация, приведшая к современному языковому разнообразию. Обращаясь к распределению изолятов и мелких макросемей на языковой карте мира, Р. Бленч утверждает, что это распределение не случайно. Количество изолятов и мелких макросемей резко возрастает по мере движения с запада на восток, от Европы и Африки до Нового света. При этом закономерным было бы полностью противоположное распределение, так как, по мнению Р. Бленча, высокая степень языкового разнообразия того или иного региона должна свидетельствовать в пользу древности его заселения¹². В этом смысле лингвистическое единство Африки выглядит особенно странно, учитывая африканское происхождение человечества.

По мнению Р. Бленча, у этого противоречия могут быть следующие причины:

а) Африка когда-то была также лингвистически разнообразна, как и другие регионы мира, однако это разнообразие было уничтожено расселением предков носителей языков современных африканских макросемей;

б) интеллектуальные традиции, касающиеся процедуры генетической классификации языков, существенно отличаются в других регионах мира и в действительности, например, американские, папуасские и австралийские языки также образуют генетические когерентные группы, существование которых пока не признано;

в) существующие генетические классификации африканских языков в корне неверны.

Разбирая эти три возможности, Р. Бленч признает, что в африканской лингвистической традиции изначально существовала некая негласная установка на объединение всех африканских языков в несколько крупных макросемей с минимальным количеством изолятов. Эта особенность африканистики, в сочетании с аналогичными устремлениями Дж. Гринберга в отношении языков мира в целом, сильно повлияла на современные классификации языков Африки. Однако, несмотря на это, Р. Бленч настаивает на том, что в своих существенных чертах гринберговская классификация верна, поскольку последняя, по его мнению, в действительности повторяет уже существовавшие до Дж. Гринберга генетические гипотезы, использовавшие гораздо более надежные с современной точки зрения методы, чем *mass comparison* Гринберга. В качестве примера Р. Бленч приводит работу Westermann (1935), в которой впервые был представлен сравнительно-исторический анализ морфологии языков нигер-конго.

В оставшейся части доклада Р. Бленч сконцентрировался на первой гипотезе, обсудив возможности обнаружения в современных африканских языках элементов субстрата, которые сохранили бы в себе следы былого африканского лингвистического разнообразия. По его мнению, языковые элементы, относящиеся к субстрату, гораздо легче идентифицировать в лексике, чем в грамматике. При этом исследователь должен обладать конкретной гипотезой относительно того, в каких именно социальных и экологических условиях происходил переход автохтонного населения на языки пришельцев. Так, например, по мнению Р. Бленча, экспансия предков носителей современных африканских макросемей, ставшая причиной лингвистической унификации Африки, во многих случаях сопровождалась переходом автохтонного населения от охоты и собирательства к земледелию. В рамках подобной гипотезы закономерным видится, например, поиск субстратной лексики в технической охотничьей терминологии, названиях растений и животных и т. д.

Особый интерес представляют также географические области, в которых пришлое население сталкивается с совершенно незнакомой ему до этого средой и поэтому вынуждено конструировать новый словарь обозначений растений и животных. Естественным образом в этом процессе активно заимствуются термины из языков автохтонного населения.

¹² Следует отметить что, по мнению Бленча, принятая в археологии датировка заселения Америки должна быть пересмотрена, поскольку она не позволяет понять, каким образом за столь короткий срок был достигнут столь высокий уровень языкового разнообразия. По мнению Бленча, заселение Америки должно было происходить примерно в тот же период, что и заселение Папуа и Австралии (Blench 2011).

В качестве яркого примера, не относящегося, впрочем, ко времени формирования современных африканских макросемей, Р. Бленч приводит словарь названий млекопитающих в малагасийском языке, носители которого колонизовали Мадагаскар в середине первого тысячелетия нашей эры. Он содержит лишь очень небольшое количество терминов с прозрачной австронезийской этимологией. Большая часть терминов, очевидно, происходит из языков банту, распространенных на африканском побережье Индийского океана. Наконец, третий, сравнительно небольшой, сегмент этого словаря составляют термины, которые по своему происхождению не являются ни австронезийскими, ни бантускими. Согласно объяснению, предлагаемому Р. Бленчем, австронезийские колонисты сначала достигли восточного побережья Африки. Часть живших здесь носителей языков банту была обращена в рабство и вывезена на Мадагаскар для выращивания риса и разведения животных. В результате в малагасийском словаре млекопитающих сформировался наибольший сегмент терминов, заимствованных из языков банту. Что касается той небольшой части словаря, которая не поддается этимологизации, то, по мнению Р. Бленча, эти слова могут происходить из языков, распространенных на Мадагаскаре до появления австронезийцев¹³.

Что же касается обсуждаемой гипотезы о лингвистической унификации Африки в результате миграций предков носителей языков современных африканских макросемей, Р. Бленч также приводит несколько примеров, в которых, по его мнению, мог иметь место похожий сценарий.

Согласно Р. Бленчу, носители иджоидных языков, на которых говорит население дельты Нигера, мигрировали из регионов, близких к верхнему течению Нигера около 3000 лет назад, столкнувшись по прибытии с новыми экологическими условиями. Среди прочего новой, не освоенной в словаре частью окружающей среды было море, морская фауна и флора. Традиционным промыслом иджоидных народов является рыболовство. При этом, по данным Р. Бленча, в этих языках морская часть ихтиологического словаря резко выделяется полным отсутствием как этимологических связей с пресноводной терминологией, так и следов внут-

риязыкового происхождения любого другого характера. По гипотезе Р. Бленча, эта часть словаря может происходить из языков автохтонного населения, жившего в дельте Нигера до прихода иджоидных народов.

Другой зоной, интересной в указанном смысле, является Сахара. Археологические данные, в частности, обсуждаемые самим Р. Бленчем и его коллегами в работе (Drake, Blench et al. in press), свидетельствуют о чрезвычайно давнем заселении Сахары. При этом современная языковая ситуация в Сахаре, характеризующаяся очень малым генетическим языковым разнообразием, является результатом недавних миграций населения, говорящего на бедуинских диалектах арабского и близкородственных друг к другу берберских языках. По мнению Р. Бленча, потомками автохтонного населения Сахары могут быть некоторые небольшие арабоязычные этнические группы, такие как немади или имарген (в Мавритании). Однако их арабский не подвергался систематическому исследованию, и на сегодняшний день у нас нет данных о следах доарабского субстрата в этих диалектах.

Согласно Р. Бленчу, в языках туарегов (южно-берберские языки < берберская семья < афразийская макросемья) словарь названий растений и животных обнаруживает в своем составе, помимо ряда исконных терминов, заимствования из других берберских языков, с одной стороны, и слова, не имеющие четкой берберской этимологии, с другой. По мысли исследователя, туареги, населяющие сейчас Сахель, вероятно, пришли с севера Африки. Двигаясь на юг, они сталкивались с новой экологической ситуацией. Ее освоение в словаре происходило за счет заимствования из берберских языков, распространенных здесь до появления туарегов, а также отчасти из языков доберберского населения.

В заключение доклада Р. Бленч еще раз вкратце изложил суть отстаиваемой им гипотезы, подчеркнув особую роль, которую играют исследования словаря флоры и фауны африканских языков в реконструкции былого африканского разнообразия, и выразил сожаление в связи с общим падением качества лингвистических описаний в этой его части.

Заседания рабочей группы завершились общей дискуссией, посвященной методологическим вопросам определения генетического родства. Эта тема несколько раз затрагивалась в докладах, посвященных отдельным языкам, и ее обсуждение, продолжавшееся в конце второго дня, еще раз обозначило две основные позиции по этому во-

¹³ В работе (Blench 2007) приводятся аргументы в пользу гипотезы о присутствии на Мадагаскаре небольших групп населения, начавших проникать на остров с африканского континента примерно с 400 года до н. э. До недавнего времени считалось, что Мадагаскар был впервые заселен австронезийцами в середине первого тысячелетия н. э.

просу. Разница между этими позициями заключается в наборе аргументов, которые могут считаться достаточными для признания генетического родства установленным.

Большинство классификаций африканских языков, охватывающих как отдельные семьи, так и континент в целом, основывались на сравнении базовой лексики, чаще всего из списка Сводеша или его вариантов. При этом во многих случаях такие сравнения делались без предварительной сравнительно-исторической обработки (установления регулярных фонетических соответствий и т. д.) и сводились, по существу, к обнаружению похожих (по форме и по семантике) слов. Этот метод определения языкового родства не раз подвергался серьезной критике и признается ненадежным большинством исследователей. Однако специалисты расходятся в вопросе о том, насколько надежным может быть лексическое сравнение в принципе. По мнению одних, лексические сближения вкупе с регулярными фонетическими соответствиями, при помощи которых эти сближения устанавливаются, являются достаточным аргументом для постулирования языкового родства. Для других единственным способом продемонстрировать языковое родство является установление соответствия между двумя фрагментами грамматики. При этом речь идет не о простом типологическом подобии определенных грамматических подсистем в двух или более языках, а о соответствии, связывающем как системы в целом (например, структуру парадигмы именных показателей), так и отдельные их части (сами именные показатели). В основе последней позиции лежит аргументация (см. Nichols 1996), согласно которой именно в таких случаях как возможность заимствования, так и независимого случайного образования является достаточно низкой для того, чтобы генетическое родство было признано наиболее вероятным объяснением выявленного сходства. Лингвисты, использующие лексические данные при определении языкового родства, обычно соглашаются с тем, что такие соответствия являются одними из самых надежных, однако отмечают, что метод лексического сравнения, широко использовавшийся в лингвистике во второй половине двадцатого века, оправдал себя на практике и поэтому также заслуживает доверия со стороны исследователей. Кроме того, эффективность этого метода, как представляется, может быть серьезно увеличена при более строгом учете вероятных лексических заимствований (Старостин 1989). С другой стороны, в ряде случаев сравнение грамматических подсистем может быть затруднено в силу

серьезной типологической дистанции между языками, которая в частном случае может быть результатом долгого независимого развития, последовавшего за отделением языков общего языка-предка. К примеру, такую аргументацию довольно сложно использовать при установлении родства семьи манде с языками, составляющими ядро нигер-конго, поскольку первые практически лишены именной морфологии, а гипотеза о генетическом единстве последних во многом основывается именно на соответствии именных показателей (В. Ф. Выдрин, уст. сообщ.)¹⁴.

В лингвистической практике два описанных метода установления языкового родства в целом относятся с двумя тенденциями в построении генетических классификаций, обсуждавшимися выше. Классификации, построенные на основе соответствия грамматических подсистем, очевидно, имеют заложенную тенденцию к «сплиттерскому» моделированию языкового разнообразия, поскольку считают генетическое родство недоказанным, если такие соответствия не удается обнаружить. С другой стороны, классификации, построенные на лексических сближениях, обычно характеризуются выделением малого числа крупных генетических объединений и минимального количества изолятов, и, таким образом, более подходят «ламперам».

Что же касается установления изолированного статуса определенного языка, то, очевидно, на сегодняшний день в лингвистике не существует общепринятой процедуры, позволяющей это сделать¹⁵. Однако необходимо подчеркнуть, что в рамках двух указанных подходов отношение исследователей к языкам-изолятам различается. Для компаративиста, стремящегося к объединению максимального количества языков в рамках крупных генетических единиц, существование языков с неопределенной классификацией является исключением, исследовательской загадкой и даже своего рода «вызовом» сравнительно-историческому методу. Для «сплиттера» же, наоборот, существование одиночного языка-изолята является ничуть не менее естественным, чем существование макро-

¹⁴ Ср., впрочем, обсуждение возможных следов системы именных классов в языках манде в (Выдрин 2006).

¹⁵ В современной лингвистике, безусловно, существуют методы опровержения гипотезы о генетическом родстве. Однако даже если удается показать, что ни одна из предложенных гипотез в отношении генетической классификации потенциального изолята не может быть принята, это, строго говоря, не исключает того, что в отношении этого языка может быть выдвинута другая, более убедительная генетическая гипотеза.

мыи, объединяющей сотни языков. Поскольку контактное влияние в сплиттерской модели языкового разнообразия по умолчанию считается более экономным объяснением языкового сходства, чем генетическое родство, последнее связывает одновременно гораздо меньшее число языков, что ведет, в частности, к увеличению числа изолятов.

Можно предположить, что усиление «сплиттерского» подхода, наметившееся в африканистике, в будущем приведет к появлению еще большего числа изолятов на лингвистической карте Африки.

Литература

- ВЫДРИН В. Ф. 2006. К реконструкции фонологического типа и именной морфологии пра-манде // *Труды Института лингвистических исследований*. Т. 2, Ч. 2. СПб: Нauка. С. 3–246 [VYDRIN V. F. 2006. K rekonstrukcii fonologicheskogo tipa i imennoi morfologii pra-mande // *Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanii*. T. 2, Ch. 2. SPb: Nauka. S. 3–246.]
- ПРОХОРОВ, Кирилл. 2009. Тональная морфология имени в языках догон // ВЫДРИН, В. Ф. (ред.). *Африканский сборник* 2009. СПб.: МАЭ РАН. С. 214–234 [PROKHOROV, Kirill. 2009. Tonal'naya morfologiya imeni v yazykakh dogon // VYDRIN, V. F. (red.). *Afrikanskii sbornik* 2009. SPb.: MAE RAN. S. 214–234.]
- СТАРОСТИН С. А. 1989. Сравнительно-историческое языко-знание и лексикостатистика // *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока*. Часть 1. 1989. С. 407–447 [STAROSTIN S. A. 1989. Sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie i leksikostatistika // *Lingvisticheskaya rekonstrukciya i drevneishaya istoriya Vostoka*. Chast' 1. 1989. С. 407–447.]
- BENDER, L. 1979. Gumuz: a sketch of grammar and lexicon. *Afrika und Übersee*, 62: 38–69.
- BENDER, L. 1991. Subclassification of Nilo-Saharan. In: BENDER, L., *Proceedings of the Fourt Nilo-Saharan Linguistics Colloquium, Bayreuth, Aug. 30 — Sep. 2, 1989*. NISA 7. Hamburg: Helmut Buske Verlag: 1–35.
- BENDER, L. 2000. Nilo-Saharan. In: HEINE, B. and D. NURSE. *African languages: an introduction*. Cambridge University Press: 43–73.
- BLAŽEK, V. 2005. Cushitic and Omotic strata in Ongota, a moribund language of uncertain affiliation from Southern Ethiopia. *Archiv Orientální* 73: 43–68.
- BLENCH, R. 1995. Is Niger-Congo simply a branch of Nilo-Saharan?, in NICOLAI & ROTTLAND (eds), *Fifth Nilo-Saharan Linguistics Colloquium. Nice, 24–29 August 1992. Proceedings*. (Nilo-Saharan 10). Koeln: Koeppe Verlag. 1995: 36–49.
- BLENCH, R.. 2007. New palaeogeographical evidence for the settlement of Madagascar. *Azania* XLII: 69–82.
- BLENCH, R. 2010. Why is Africa so linguistically universe? The issue of substrates and isolates. A paper presented on the workshop *Language Isolates in Africa*, Lyon, December 3 and 4, 2010.
- BOYELDIEU, P. 1977. Éléments pour une phonologie du laal de Gori (Moyen-Chari), in CAPRILE, J.-P. *Etudes phonologiques tchadiennes*. Paris: SELAF (Bibliothèque, 63–64): 186–198.
- BOYELDIEU, P. 1982a. *Deux Etudes laal (Moyen-Chari, Tchad)*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag.
- BOYELDIEU, P. 1982b. Quelques questions portant sur la classification du laal (Tchad). In: JUNGRAITHMAYR H (ed). *The Chad languages in the Hamito-Semitic-Nigritic Border Area (Papers of the Marburg Symposium, 1979)*. Berlin: Dietrich Reimer: 80–93.
- BOYELDIEU, P. 1983. Vestiges de suffixes de classes nominales dans les langues du groupe boua (Tchad, Adamawa–13 de J.H. Greenberg). In: *Current Approaches to African Linguistics (Actes du 13ème Colloque Annuel de Linguistique Africaine, Montréal, Canada)*. Dordrecht: Foris Publications, p. 3–15.
- BOYELDIEU, P. 1987. Détermination directe/indirecte en laal. In: BOYELDIEU P. (ed). *La maison du chef et la tête du cabri: des degrés de la détermination nominale dans les langues d'Afrique centrale*. Paris: Geuthner, p. 77–87.
- CLEMENTS, Nick and Annie RIALLAND. 2008. Africa as a phonological area. In: HEINE and NURSE (eds.), 36–87.
- CULY, Ch., KODIO, K. and P. TOGO. Dogon Pronominal Systems: Their Nature and Evolution. *Studies in African Linguistics* 23, no. 3: 315–344.
- DRAKE, N. BLENCH, R. M. et al. (in press). Holocene watercourses and biogeography in the Sahara with implications for the peopling of the desert and the 'out of Africa' hypothesis. To appear in: *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*.
- DOORNBOS, P. and L. Bender. 1983. Languages of Wadai-Darfur. In: Bender L. (ed). *Nilo-Saharan Language Studies*. African Studies Center, Michigan State University: 42–79.
- DIMMENDAAL, G. J. 2001. Areal diffusion versus genetic inheritance: an African perspective. In: AIKHENVALD, A. Y. and R. M. W. DIXON (eds), *Areal diffusion and genetic inheritance: problems in comparative linguistics*. Oxford: Oxford University Press: 358–392.
- DIMMENDAAL, G. 2008. Language ecology and linguistic diversity on the African continent. *Language and Linguistics Compass* 2, 5: 840–858.
- LEWIS, M. P. (ed.), 2009. *Ethnologue: Languages of the World*, Sixteenth edition. Dallas, Tex.: SIL International. Online version: <http://www.ethnologue.com/>.
- FLEMING, H. 1969. The classification of West Cushitic within Hamito-Semitic. In: MC CALL, D., BENNETT, N and J. BUTLER, *Eastern African history* (Boston University Studies in African History III). New York, NY: Praeger: 3–27.
- FLEMING, H. 2006. *Ongota: A Decisive Language in African Prehistory*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- FLEMING, H., A. YILMA, A. MITIKU, R. HAYWARD, Y. MIYAWAKI, P. MIKEŠ, and J. M. SEELIG 1992/93 Ongota or Birale: A moribund language of Gemu-Gofa (Ethiopia). *Journal of Afroasiatic Languages* 3/3: 181–225.
- GREENBERG, J. 1963. *The Languages of Africa* (International Journal of American Linguistics 29.1). Bloomington, IN: Indiana University Press.
- GREGERSEN E. 1972. Kongo-Saharan. *Journal of African Languages*, 11, 1: 69–89.
- GÜLDEMANN, Tom. 2004. Reconstruction through 'de-construction': the marking of person, gender, and number in the Khoe family and Kwadi. *Diachronica* 21, 2: 251–306.
- GÜLDEMANN, Tom. 2008. The Macro-Sudan belt: towards identifying a linguistic area in northern sub-Saharan Africa. In: Bernd HEINE & Derek NURSE (eds), *A linguistic geography of Africa*. 151–185. Cambridge: Cambridge University Press.

- GÜLDEMANN, T. 2010. Proto-Bantu and Proto-Niger-Congo: Macro-areal typology and linguistic reconstruction. To appear in Christa KÖNIG & Osamu HIEDA (eds), *International Symposium of the Center of Corpus-Based Linguistics and Language Education* (CbLLE). Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins.
- GÜLDEMANN, T. forthcoming. Kwadi: Phonology, morphology, syntax. In: VOSEN, R. (ed.), *The Khoisan languages*. Routledge Language Family Series. London: Routledge.
- GÜLDEMANN, T. and E. ELDERKIN. 2010. On external genealogical relationships of the Khoe family. In: BRENZINGER, Matthias and Christa KÖNIG (eds.), *Khoisan languages and linguistics: proceedings of the 1st International Symposium January 4–8, 2003, Riezlern/Kleinwalsertal*. Quellen zur Khoisan-Forschung 24. Köln: Rüdiger Köppe: 15–52.
- GÜLDEMANN, T. and R. VOSEN. 2000. Khoisan. In: HEINE, B. & D. NURSE (eds.), *African languages: an introduction*. Cambridge: Cambridge University Press: 99–122.
- HASPELMATH, M., DRYER, M., GIL, D., & COMRIE, B. (2005). *The World Atlas of Language Structures*. Oxford: Oxford University Press.
- HEATH J. *A Grammar of Jamsay*. Berlin — New-York: Walter de Gruyter, 2008.
- HEINE, B. and H. HONKEN. 2010. The Kx'a Family: A New Khoisan Genealogy. *Journal of Asian and African Studies* (Tokyo), 79: 5–36.
- HOMBERT J.-M. and G. PHILIPPSON. 2009. The linguistic importance of language isolates: the African case. In: Peter K. AUSTIN, Oliver BOND, Monik CHARETTE, David NATHAN & Peter SELLS (eds). *Proceedings of Conference on Language Documentation and Linguistic Theory* 2. London: SOAS. www.hrelp.org/eprints/lslt2_15.pdf
- HUELSENBECK, J., & RONQUIST, F. 2001. Bayesian inference of phylogenetic trees. *Bioinformatics*, 17 (8): 754–755.
- HUSON, D. 1998. SplitsTree: A program for analyzing and visualizing evolutionary data. *Bioinformatics*, 14 (10): 68–73.
- HYMAN, L. 2011. The Macro-Sudan Belt and Niger-Congo Reconstruction. To appear in *Language Dynamics and Linguistic Change* 1.1.
- MIKKOLA, P.. 1999. Nilo-Saharan revisited. *Nordic journal of African studies* 8: 108–138.
- MOUGUIMA-DAOUDA, P. 2006. *Remplacement, extinction et métamorphose des langues : situation gabonaise et perspectives théoriques*. Paris: l'Harmattan.
- MUKAROVSKY, H.-G. 1987. Grundzahlwörter im Tschadischen, Kuschitischen und Omotischen. In: H. JUNGRAITHMAYR and W. MÜLLER (eds). *Proceedings of the fourth international Hamito-Semitic Congress*. Amsterdam: John Benjamins: 25–46.
- NEWMAN, P. 1980. *The Classification of Chadic within Afroasiatic*. Leiden: Universitaire Pers Leiden.
- NICOLAÏ, R. 2003. *La force des choses ou l'épreuve nilo-saharienne: Questions sur les reconstructions archéologiques et l'évolution des langues*. Cologne, Germany: Rüdiger Köppe.
- NICHOLS, J. 1996. The Comparative Method as Heuristic. In: DURIE M. & ROSS M. (eds). *The Comparative Method Reviewed: Regularity and irregularity in language change*. Oxford University Press. Oxford: 39–71.
- OLLOMO Ella, R. 2008. *La syntagmatique du shiwa, langue bantu du Gabon*. Mémoire de Master2, recherche sciences du Langage; didactique des langues, Paris, Université de la Sorbonne Nouvelle Paris 3 http://lacito.vjf.cnrs.fr/membres/documents/pdf/Ollomo_M2_shiwa.pdf
- PLUNGIAN, V. et I. TEMBINÉ. 1994 Vers une description sociolinguistique du pays dogon: attitudes linguistiques et standardisation. In: DUMESTRE, Ch. (ed.) *Stratégies communicatives au Mali: langues régionales, bambara, français*. Paris: 163–195.
- PLUNGIAN, V. *Dogon*. LINCOM Europa. München: 1995.
- SAVÀ, G. and M. TOSCO. 2000. A sketch of Ongota, a dying language of Southwest Ethiopia. *Studies in African Linguistics* 29/2: 59–135.
- SAPIR, J. D. 1971. West Atlantic: an inventory of the languages, their noun class systems and consonant alternation. In: SEBEOK, T. A. (ed.), *Current trends in linguistics*, 7: *Linguistics in sub-Saharan Africa*. The Hague & Paris : Mouton & Co: 45–112.
- SEGERER, G. 2010. 'Isolates' in 'Atlantic'. A paper presented on the workshop *Language Isolates in Africa*, Lyon, December 3 and 4, 2010.
- STAROSTIN, G. 2008. *Macro-Khoisan Etymology*. The Tower of Babel Evolution of Human Languages Project. <http://starling.rinet.ru/>
- TEFERRA, A. 1991. A sketch of Shabo grammar. In M. L. BENDER (ed.), *Proceedings of the Fourth Nilo-Saharan Conference Bayreuth*, Aug. 30. Köln, Köppel Verlag. Hamburg: Helmut Buske: 373–389.
- TEFERRA, A. 1995. Brief phonology of Shabo (Mekeyir). In: NICOLAÏ R., and F. ROTTLAND (eds), *Fifth Nilo-Saharan Linguistics Colloquium*. Nice, Aug. 24–29 1992: 169–193.
- TEFERRA, A. and P. UNSETH. 1989. Toward the classification of Shabo (Mekeyir). In: M. L. BENDER (ed.), *Topics in Nilo-Saharan linguistics*. Nilo-Saharan 3. Hamburg: Helmut Buske: 405–418.
- TEMPLE, O. 1922. *Notes on the Tribes, Provinces, Emirates and States of the Northern Provinces of Nigeria*. Argus Printing and Publishing Co. Cape Town.
- TUCKER, A. 1967. Erythraic elements and patterning: Some East African findings. *African Language Review*, 6: 17–25.
- VOSEN, R. 1997. *Die Kho-Esprachen: Ein Beitrag zur Erforschung der Sprachgeschichte Afrikas* (Quellen zur Khoisan-Forschung, 12.) Köln: Rüdiger Köppe.
- VOSEN, R., ed. Forthcoming. *The Khoisan Languages*. London: Routledge.
- WESTERMANN, Diedrich. 1927. *Die westlichen Sudansprachen und ihre Beziehungen zum Bantu*. Berlin: Walter de Gruyter.
- WESTERMANN, Diedrich. 1935. Nominalklassen in westafrikanischen Klassensprachen und in Bantusprachen. *MSOS*, 38: 1–52.
- WESTERMANN, Diedrich. 1940. Die Sprachen. In: BAUMANN H., THURNWALD R. und WESTERMANN D (eds). *Völkerkunde von Afrika*. Essen: Essener Verlagsanstalt: 375–433.
- WESTPHAL, E. 1971. The Click Languages of Southern and Eastern Africa. *Linguistics in Sub-Saharan Africa*, ed. by Thomas A. SEBEOK (= Current Trends in Linguistics, 7.) The Hague/Paris: Mouton: 367–420.
- WICHMANN, S. and HOLMAN, E. 2009. *Assessing temporal stability for linguistic typological features*. München: LINCOM Europa.
- WILLIAMSON, K. 1989. Niger-Congo Overview. In: BENDOR-SAMUEL J. (ed.). *The Niger-Congo languages*. University Press of America: 3–45.